

УДК 316

Ю. М. БУБНОВ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МОГИЛЕВ)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИНДИКАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА

Предлагается социологическая методика определения уровня этнического радикализма в различных социальных средах. Используются социологические индикаторы, позволяющие идентифицировать этнический радикализм различной степени выраженности. Метод апробирован на материалах социологических опросов и позволяет проводить сравнительные исследования на международном уровне.

Ключевые слова: этническая нетерпимость, этническая дискриминация, этнический радикализм, социологические индикаторы.

A sociological method of determining the level of ethnic radicalism in different social environments is offered. Sociological indicators allowing to identify ethnic radicalism of varying severity were used. The method was tested on the materials of sociological surveys and allows to carry out comparative research at the international level.

Key words: ethnic intolerance, ethnic discrimination, ethnic radicalism, sociological indicators.

Этнический радикализм представляет собой крайнюю форму дискриминации людей по этническому признаку. Дискриминация характеризуется психологией, идеологией и политикой превосходства одного этноса над другими и проявляется в различной степени нетерпимости к представителям иных этносов, от бытовой ксенофобии до геноцида. Обычно именно эту, «геноцидную», форму нетерпимости называют этническим радикализмом. Однако сложно отделить бытовую ксенофобию от радикальных форм. Бытовая ксенофобия содержит в себе потенцию радикализма, ждущую малейшей возможности для своего проявления. Поэтому опасно недооценивать любые, даже внешне порой кажущиеся не значимыми проявления дискриминации людей по национальному и иным признакам. Нельзя забывать, что этнический радикализм, по сути, является синонимом нацизма, все «прелести» которого в лице немецкого фашизма и японского милитаризма человечество еще не забыло со времен Второй мировой войны. Разгул национализма в начале XX в. дорого стоил народам мира, в том числе и тем, которые позволили своим лидерам ввергнуть себя в наркотический угар идеологии этнического превосходства. Стремление предотвратить рецидивы нацизма в современном высокотехнологичном мире определяет повышенный интерес к этническому радикализму со стороны ученых, политиков и широкой общественности. Глобальность темы этнического радикализма подчеркивается тем фактом, что еще в 1965 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации, в которой провозглашается принципиальное равен-

ство всех людей перед законом, без различия по признаку расы, цвета кожи или национального происхождения.

Этнический радикализм, в какие бы уважаемые одежды ни рядился, неизбежно ведет к национальной вражде, нетерпимости и насилию. Поэтому в большинстве стран, в том числе и в Беларуси¹, приняты антиэкстремистские законы, в которых разжигание межнациональной розни квалифицируется как уголовное преступление. И не случайно, поскольку любой радикализм, и в особенности этнический, помимо того что нарушает социальное спокойствие, провоцируя взаимную подозрительность и враждебность в многоэтническом обществе, еще и подрывает государственные устои, инициируя бесконечную цепочку национального сепаратизма. Поэтому актуальность темы радикализма невозможно переоценить. В полной мере это утверждение касается и спокойной с виду Беларуси, несмотря на то, что в нашей стране инородцам и иноверцам живется сравнительно спокойно.

Термин «радикализм» для нас будет звучать синонимом понятия «экстремизм». По нашему мнению, радикализм – практическое выражение идеологии экстремизма, экстремализм же определяется как идеология и практика крайних (радикальных) средств и методов достижения цели. Смысл использования понятия «крайний» в данном контексте означает применение насильственных методов, связанных с той или иной формой насилия по отношению к отдельной личности или социальной группе. Веер целей, достижение которых обеспечивается радикальными средствами и методами, может быть весьма разнообразным.

Типология радикализма *по сферам общественной деятельности* может быть представлена следующим незавершенным перечнем: политический радикализм, национальный (этнический) радикализм, религиозный радикализм, экономический радикализм, идеологический радикализм, экологический радикализм, педагогический радикализм, лингвистический радикализм, художественный радикализм и т. д.

По масштабу субъекта деятельности радикализм подразделяется на индивидуальный, групповой, сословный, классовый, государственный (национальный), интернациональный (глобальный).

В общественно-политической сфере возможно подразделение радикализма на государственный и оппозиционный. Радикализм можно типологизировать, исходя из других оснований. Например, выделить различные степени радикализации деятельности одних и тех же субъектов. К примеру, протестные акции принято ранжировать от голодовок, молчаливых пикетов и демонстраций до террористических актов. Однако на этом мы завершим типологизацию радикализма, поскольку это не является непосредственной задачей данного текста. Поясним лишь факт включения национального радикализма в оба приведенных выше списка. Дело в том, что термин «национальный» по традиции, заведенной Х. Коном², понимается в двух смыслах: как объединение людей на основе гражданского, политического, государственного факторов и как этническое консолидирующее начало. Причем вторая трактовка имеет две альтернативные оценочные позиции. Так, например, для одних национализм тождествен положительному патриотизму, для других – представляет негативную идеологию и политику, исходящую из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим³. Столь далеко отстоящие друг от друга по смыслу трактовки термина «национальный» часто не распознаются, что приводит к недоразумениям и пустым спорам не только среди обывателей, но и ученых. Именно по этой причине мы предпочитаем использовать понятие «этнический радикализм», который лишен двусмысленности, отражая не культурный, гражданский или политический, а откровенный физиологический контекст рассмотрения данной темы.

Этнический радикализм проявляется в первую очередь в том, что носители этой идеологии стремятся насильственными методами установить нор-

мативные (как на уровне морали, так и в правовых формах) экономические, политические, статусные и иные привилегии для своего этноса с соответствующей дискриминацией «нетитульных» этносов. Именно это и осуждает принятая всеми государствами, входящими в ООН, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, включив в это понятие «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любых других областях общественной жизни»⁴. В сфере межнациональных отношений преобладают не рациональные и научно обоснованные доводы, а эмоциональные оценки. Уже по этой причине любые попытки вертикально дифференцировать этносы в значимых для выживания областях жизнедеятельности неизбежно приводят к радикализации их взаимоотношений. Поэтому радикализм оказывается постоянным спутником этнической парадигмы, в особенности если она переходит из прохладных аудиторий научных дискуссий в горячую зону политических решений.

Одна из ключевых в этой области – тема индикаторов, с помощью которых можно зафиксировать степень радикализации межнациональных отношений. Только используя индикаторы, можно при рассмотрении щепетильной этнической темы минимизировать влияние эмоционального фактора.

Индикаторами (от лат. *indicator* – указатель) будем называть поддающиеся эмпирической проверке количественные характеристики изучаемого объекта, в данном случае этнического радикализма. Такое определение индикатора полностью соответствует его трактовке, например, в Википедии, где термин «индикатор» (в общественных науках, в частности в социологии) понимается как доступная наблюдению и измерению характеристика изучаемого объекта, позволяющая судить о других его характеристиках, недоступных непосредственному исследованию⁵. Оговоримся сразу, что будем считать синонимом исходного понятия также термин «показатель», значение которого определяется как обобщенная характеристика какого-либо объекта или процесса, обычно выраженная в численной форме⁶.

Когда говорят о социальных индикаторах, очень часто имеют в виду социальную статистику. Так, например, трактуется это понятие Дэвидом и Джулией Джерри, а именно как «регулярно собираемая социальная статистика, отражающая признаки изменений в общем состоянии общества (например, данные преступности, здравоохранения и смертности)»⁷. Действительно, чаще всего количественные параметры социальных процессов отображаются именно статистикой, которая отработала эффективную технологию, оснащенную обширным инструментарием. Поэтому следует признать, что индикаторами этнического радикализма могут служить статистические данные Министерства внутренних дел, отражающие количественные и качественные характеристики преступности на межэтнической почве. Однако при всей важности этого канала информации о степени распространенности агрессивного национализма приходится признать очевидную неполноту статистических индикаторов. Во-первых, по той причине, что Закон Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму» не позволяет дифференцировать разновидности радикализма, милицейская статистика попросту не фиксирует ксенофобию, включая ее в общую статистику экстремизма. Во-вторых, сотрудники МВД далеко не всегда в состоянии распознать этнический экстремизм и зачастую трактуют его как проявление преступности. И, в-третьих, статистика вообще, и милицейская статистика в частности, отражает факты, что не позволяет политикам и социальным инженерам работать на упреждение столь социально опасного преступления, как этнический радикализм.

Всех этих недостатков лишены индикаторы, построенные на основе социологического метода. Социологические индикаторы используются для из-

мерения уровня коррупции, счастья, демократии и многих других, на первый взгляд, трудно поддающихся формализации социальных явлений. Подойдут они и для измерения потенциального радикализма в обществе. К достоинствам социологических показателей можно смело отнести то, что с их помощью легко можно измерить уровень каждой разновидности экстремизма, причем в любом социуме, начиная с конкретного трудового (учебного) коллектива, и заканчивая глобальным масштабом. Социологические показатели этнического радикализма можно конкретизировать по демографическим и профессиональным группам населения, что позволяет провести факторный анализ, предоставив государственным органам возможность работать адресно, т. е. с учетом специфики соответствующей социальной группы.

Актуализация этнической радикальности может проявляться как по предмету дискриминации, так и по способам выражения ксенофобии. Политики вынуждены разбираться с поведенческими рецидивами этнического экстремизма. А вот социологи чаще имеют дело с вербальной формой проявления радикалистского потенциала общества. В этом-то и заключается их преимущество, позволяющее прогнозировать риски радикалистских проявлений и принимать превентивные меры для их минимизации.

Социологические индикаторы способны определять скрытые социальные пласты потенциального радикализма, в том числе и этнического. В этом состоит их главное преимущество. Никакими иными способами невозможно получить адекватное описание экстремистских намерений в социальном масштабе. Даже специальные службы, профессионально выявляющие потенциальных экстремистов, работают исключительно с отдельными индивидами и организациями. У них нет материальных, технических и людских ресурсов для практического осуществления сценария тотального контроля, аналогичного антиутопиям Джорджа Оруэлла. Способность социологического метода выявлять потенциально опасные с точки зрения этнического радикализма социальные группы, которые еще не «созрели» идеологически и организационно до террористических актов, создает условия для превентивной работы с ними не карательных, а корректирующих государственных структур.

Стоит заметить, что измерения, полученные с помощью социологических индикаторов, осуществляются по известным технологиям, что делает их легко воспроизводимыми. Измерения, проведенные в мониторинговом режиме, дадут представление о динамике процесса радикализации национального сознания в том или ином регионе или в стране. Сопоставимые по инструментарию социологические замеры в различных странах позволят получить достоверные данные о степени распространения в них этнического экстремизма. Это дает возможность глобального мониторинга этнического радикализма. Социологические замеры эмпирически проверяемы на всех технологических этапах, что существенным образом повышает уровень доверия к ним со стороны исследователей, политиков и практических работников, широкой общественности.

Существенно и то, что социологический метод позволяет определить факторы различного происхождения, провоцирующие этнический радикализм. Факторный анализ позволит более целенаправленно и эффективно устранять проблемы в сфере межэтнических отношений, в частности проблему этнического экстремизма. Это обстоятельство делает социологию обязательным элементом в социальных технологиях гармонизации межэтнических отношений в современном сложноорганизованном обществе. Все эти преимущества прокламируемого метода мы и попытаемся продемонстрировать на конкретном социологическом материале.

В качестве основного инструмента измерения этнического радикализма будем использовать элементы методики определения «индекса потребительских настроений» (ИПН). ИПН как метод социологического зондирования

общественного мнения был создан в 1946 г. учеными университета штата Мичиган (США). Сегодня индекс потребительских настроений входит в число 11 важнейших макроэкономических показателей, на основании которых исчисляет свои прогнозы Бюро экономического анализа, включенное в структуру правительства США. С 1970-х г. индекс потребительских настроений активно используется в экономической и политической жизни США и стран Западной Европы. Индекс потребительских настроений определяется по разности положительных и отрицательных ответов респондентов на дихотомические вопросы социологической анкеты. ИПН исчисляется таким образом, что при 100 % положительных ответов на вопросы анкеты он равен 200 баллам (максимальный уровень), если все респонденты дадут отрицательные ответы – 0 баллам (минимальный уровень), а при равенстве положительных и отрицательных ответов – 100 баллам (нейтральный уровень).

Методика ИПН, апробированная для измерения потребительских настроений, подойдет и для индикации этнического радикализма. Мы лишь заменим вопросы-индикаторы, сохранив в большинстве случаев дихотомическую шкалу ответов, обязательную в случае применения методики ИПН. Наше усовершенствование методики ИПН коснется формата конечных результатов измерения этнического радикализма. Будем стараться переходить от балльного формата полученных значений индекса к процентному, приняв за 100 % максимально возможный уровень радикализма. Такой формат позволит более наглядно продемонстрировать конкретный уровень этнической нетерпимости применительно к единой шкале измерений.

Приступим к социологическому измерению этнического радикализма, взяв в качестве примера материалы опросов взрослых жителей Могилевской области Республики Беларусь. Целесообразно начать с определения социальной базы этнической нетерпимости, которая и порождает этнический радикализм. Исходной идеологической позицией, приводящей к этнической нетерпимости, выступает разделение людей на плохие и хорошие народы. Именно такое разделение этносов и есть социально-психологическая основа этнической дискриминации – вплоть до самых радикальных ее проявлений. «Хорошим» народом всегда признается «коренной» этнос, а инородцы клеймятся негативной оценкой. Чаше это приводит к рецидивам этнофобии. Используя социологический метод, определим насколько широка социальная база этнофобии в Беларуси. Источником в данном случае используют результаты социологического опроса 684 взрослых жителей Могилевской области, проведенного под руководством автора сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия в 2009 г. В качестве социологического индикатора этнофобии мы использовали суждение: «Некоторые нации у нас нежелательны», с которым участники опроса могли согласиться или не согласиться. Согласие с этим утверждением и будет означать приверженность респондента к идеологии этнофобии. На рис. 1 ее социальная база представлена в графическом формате.

Рис. 1. Отношение респондентов к утверждению: «Некоторые нации у нас нежелательны», %

Социологический опрос выявил каждого третьего (34,2 %) взрослого нашего соотечественника, склонного к этнофобии. Среди мужчин их удельный вес достигает 41,1 %. Переведем первичные социологические данные, представленные на рис. 1, в формат методики ИПН. Получим значение Индекса этнофобии, равное 103,8 балла, 51,9 % от максимально возможного уровня.

Объектами этнофобии могут быть все без исключения этносы и народы. Так, например, на вопрос социологической анкеты о том, какие нации и народности, по мнению участников опроса, нежелательны на территории Беларуси, были получены ответы: чеченцы (16,1 %), армяне (11,7), грузины (11,5), азербайджанцы (11,3), цыгане (10,5), китайцы (5,8), узбеки (5,1), таджики и туркмены (по 4,8), арабы (4,7), евреи (4,4), негры (3,5), японцы (1,5), немцы и американцы (по 0,9). Перечень нежелательных народов дан в редакции респондентов, которые могли вписать их название в анкете. И список этот далеко не завершен. В нем оказались и близкие соседи белорусов – русские, литовцы и поляки. Одним словом, раз уж идея разделения этносов на «своих» и «чужих» засела в мозги людей, «плохими» нациями могут для них стать любые народы.

Далеко не все наши земляки, с подозрением относящиеся к иным народам, дойдут до радикальных проявлений своего этнического неприятия, но этнофобия – благоприятная почва для развития этнического радикализма, вплоть до самых кровавых его форм. Национальное самосознание может быть радикализировано по любому значимому для людей поводу и в различной степени, начиная с безобидных, на первый взгляд, его проявлений и заканчивая откровенным геноцидом. Учитывая это, начнем с той формы этнической дискриминации, которая не всеми обществоведами признается радикализмом. Речь пойдет об одном из самых популярных лозунгов идеологов этнической нетерпимости, согласно которому преимущественное право на проживание на определенной территории раз и навсегда закреплено за «коренной» нацией. Вряд ли стоит доказывать, что пресловутое «естественное» право является формой дискриминации по национальному признаку и недопустимо в современном глобализирующемся мире. Тем не менее страхи, связанные с «распродажей родной земли инородцам», обуревают немало людей в разных странах, в том числе и в Беларуси.

Одной из форм этнической дискриминации выступает его «славянская» разновидность, выраженная в лозунге «Славянские земли – только для славян». Не вызывает сомнения тот факт, что любой подобный лозунг полностью тождествен по своему идеологическому значению девизу немецких нацистов «Германия – только для немцев». Поэтому оба эти лозунга, как и все прочие утверждения подобного рода, в какой бы стране они ни провозглашались, свидетельствуют о наличии на бытовом уровне признаков идеологии этнической дискриминации. Насколько популярны идеи «естественного славянского права» среди граждан Беларуси? Это можно увидеть на диаграмме рис. 2, где представлены результаты нашего опроса жителей Могилевщины в 2009 г.*

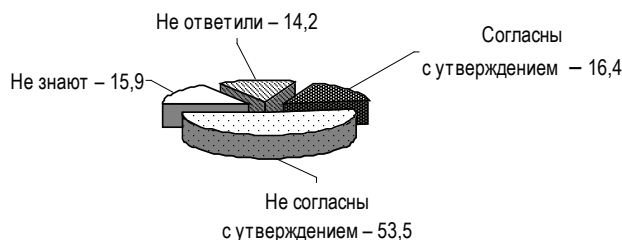

Рис. 2. Отношение участников опроса к утверждению: «Славянские земли – только для славян», %

* Опрос 684 взрослых (старше 16 лет) жителей Могилевской области осуществлен по репрезентативной выборке в 2009 г. сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия (далее – МГУП).

По методике ИГН мы должны от доли положительных ответов вычесть процент респондентов, отрицающих правильность принципа славянского шовинизма. В итоге получим значение Индекса этнической славянской нетерпимости 62,9 балла. Максимально возможное значение этого Индекса равняется 200 баллам. Таким образом, по отношению к максимуму этнической дискриминации наличное значение славянской этнической нетерпимости составляло в 2009 г. 31,5 %.

Мы не анализируем само явление этнической нетерпимости как таковое. Нам важно отработать инструментарий и методику измерения этнического радикализма в любой социокультурной среде. На данном этапе можно констатировать работоспособность нашей методики для анализа этнической нетерпимости. Использование дихотомической шкалы («согласны» – «не согласны») в социологической анкете в ходе массового опроса с последующим переводом в баллы по методике ИГН позволяет свести любые полученные таким путем данные в сопоставимый формат. А на этой основе открывается возможность для широкого сравнительного анализа этнической дискриминации на любом социальном материале.

Проиллюстрируем действенность предложенной методики анализа этнической нетерпимости на примере еще одной модификации нацистского лозунга, который в местной трактовке звучит следующим образом: «Беларусь – только для белорусов». В ходе опроса в 2009 г. 684 взрослых жителей Могилевской области мы получили следующие ответы на соответствующий вопрос анонимной социологической анкеты (рис. 3).

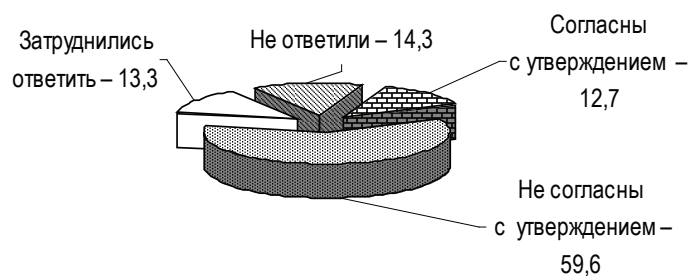

Рис. 3. Отношение респондентов к утверждению: «Беларусь – только для белорусов», %

Оказывается, сторонников откровенно дискриминирующего лозунга среди граждан Беларуси не так уж и мало – 12,7 %. Уже эти данные можно считать адекватным свидетельством наличия бацилл бытовой ксенофобии в нашем обществе. Однако использование методики ИГН позволит уточнить индикацию уровня этнической нетерпимости, «очистив» исходные данные от «помех» в лице уклонившихся от ответа на этот вопрос. Итак, от положительных ответов (процент согласившихся с лозунгом «Беларусь – только для белорусов») вычтем удельный вес тех, кто не согласился с ним. Получим уровень этнической белорусской нетерпимости, равный 53,1 балла (при минимальном значении 0 баллов и максимальном – 200 баллов). В более привычном процентном формате показатель этнической нетерпимости равен 26,5 % от максимально возможного уровня. Обработанные с помощью методики ИГН данные социологических опросов можно смело сравнивать с результатами опросов, проведенных в иное время или на ином социальном массиве. Так, подобный социологический опрос, осуществляемый в 2007 г., выявил уровень «белорусской» нетерпимости, равный 46,9 балла, или 23,5 % от максимально возможного уровня, что несколько меньше, чем двумя годами позже. На этом основании можно предположить, что в Беларуси наметилась тенденция повышения уровня этнической нетерпимости.

Получение привилегий и преимуществ, основанных не на личных достоинствах (знаниях и умениях) граждан, а по причине их самоидентификации с «коренной» нацией, всегда безотказно работало «пряником» для социальных групп с низкими конкурентными способностями. Эти привилегии касаются исключительной для представителей «коренного» этноса возможности приобретения земли и недвижимости, их преимущественного доступа к высокостатусным рабочим местам. Дискриминация инородцев по этим двум параметрам и составляет ценностное «ядро» этнической нетерпимости, независимо от эпохи или страны. Посмотрим, насколько привлекательны эти националистические «пряники» для наших сограждан – жителей Беларуси. На рис. 4 визуальное отображено общественное мнение Могилевщины по поводу того, стоит ли запретить представителям иных этносов покупать на территории Беларуси землю и недвижимость.

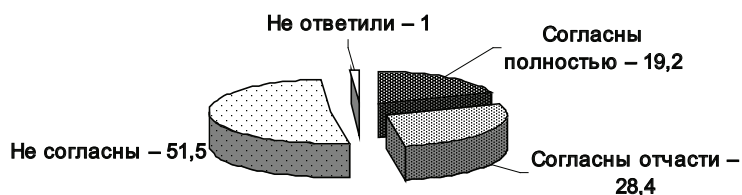

Рис. 4. Отношение респондентов к утверждению: «Необходимо запретить представителям иных этносов покупать недвижимость и землю», %

Каждый пятый (19,2 %) наш земляк твердо уверен в необходимости подобного запрета, и еще 28,4 % взрослых жителей Могилевщины хотя бы отчасти склоняются к такому мнению. Таким образом, почти половина наших земляков (47,6 %) полностью или частично поддержала бы эту откровенно дискриминационную по отношению к некоренным этносам меру. Однако гражданами, радикально настроенными против распродажи земли инородцам, мы будем считать только те 19,2 % респондентов, которые твердо уверены в целесообразности такого запрета. В итоге Индекс «земельной» этнической нетерпимости среди наших соотечественников равен 67,7 балла, или 33,8 % по отношению к максимально возможному уровню.

Подобным же образом измерим уровень «статусной» этнической нетерпимости, которая дискриминирует инородцев в их возможности занимать важные посты во властной иерархии. На рис. 5 приведено общее соотношение граждан Беларуси, как согласных, так и несогласных с гипотетическим запретом на высокостатусные должности для представителей нежелательных наций.

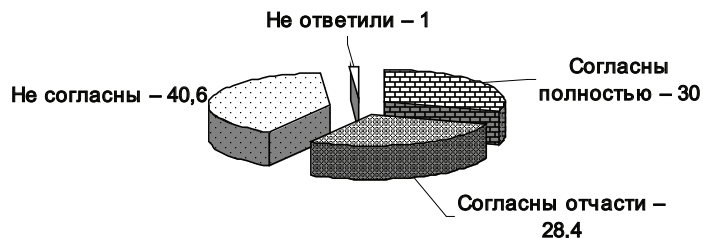

Рис. 5. Отношение респондентов к утверждению: «Необходимо запретить представителям иных этносов занимать важные посты», %

Сторонников запрета для инородцев на важные посты оказалось даже больше, чем защитников родной земли. Почти треть (30,0 %) участников опроса согласились бы с таким предложением полностью и еще примерно столько же (28,4 %) – частично. Но безусловную приверженность к подобной дискриминации проявили лишь первые, поэтому для расчета Индекса «статусной» этнической нетерпимости пригодятся только они. В итоге искомый Индекс равен 89,4 балла, что составляет 44,7 % от максимально возможного уровня дискриминации. Для мужчин Индекс «статусной» этнической нетерпимости составил 49 % от максимально возможного уровня, а для женщин – 40,3 %.

У нас есть возможность сравнить данные социологического опроса 2009 г. с результатами аналогичного исследования, проведенного в 1997 г.*. Однако во время опроса 1997 г. нами была опрошена только молодежь до 30 лет, поэтому для корректного сравнения в итогах опроса 2009 г. будем учитывать мнение соответствующей группы респондентов. На рис. 6 можно визуальнo убедиться в произошедших за 13 лет изменениях в мировоззрении молодых жителей Беларуси по поводу гипотетического запрета представителям нежелательных этносов занимать важные посты.

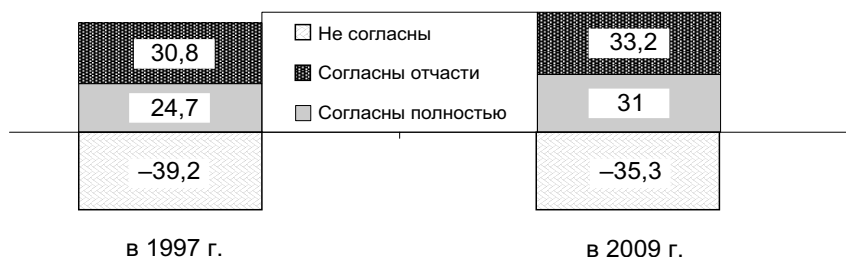

Рис. 6. Отношение молодежи в возрасте от 16 до 30 лет к утверждению: «Необходимо запретить представителям иных этносов занимать важные посты» (1997 и 2009 гг.), %

Легко увидеть разницу в итогах опросов 1997 и 2009 гг. Удельный вес молодых людей, дискриминационно настроенных по отношению к нежелательным этносам, за период между исследованиями увеличился с 55,5 % в 1997 г. до 64,2 % в 2009 г., а доля толерантной молодежи, напротив, сократилась с 39,2 до 35,3 %. В формате технологии ИПН динамика изменения этнической нетерпимости выглядит следующим образом: в 1997 г. уровень поддержки «статусной» дискриминации в молодежной среде составлял 85,5 балла (42,7 % к максимуму), а в 2009 г. – уже 97,9 балла, 49 % по отношению к максимально возможному значению. В итоге мы еще раз убедились в эффективности предложенной методики, позволяющей проводить сравнительный анализ и по временному вектору.

Еще одной зоной дискриминации по этническому признаку являются брачные отношения. Очевидным признаком наличия в обществе бацилл бытовой дискриминации выступает этническая эндогамия, т. е. предпочтительный характер брака между представителями одного этноса. Рассмотрим матримонильный контекст этнической нетерпимости в белорусском обществе. Учитывая значительные гендерные различия в общественном мнении по этому щекотливому поводу, представим мужские и женские оценки раздель-

* Опрос 1092 представителей молодежи в возрасте от 16 до 25 лет проведен под руководством автора сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин МГУП. Опрос проводился в Могилевской области с контрольными группами из Минска и Гродно.

но. Вопросы-индикаторы матримониальной этнической нетерпимости в социологической анкете звучали так: «Как Вы относитесь к предложению запретить представителям иных этносов выходить замуж за наших парней?», а также «Как Вы относитесь к предложению запретить представителям иных этносов жениться на наших девушках?». Для выявления радикально настроенных граждан мы дали возможность участникам опроса высказать как частичное, так и полное согласие с подобными гипотетическими предложениями. Понятно, что признаки этнического радикализма проявят лишь те респонденты, которые поддержат матримониальную дискриминацию.

Итак, каков же уровень матримониальной этнической нетерпимости среди жителей Беларуси? Это мы увидим на примере материалов нашего опроса 684 взрослых жителей Могилевской области, проведенного в 2009 г. сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия. На рис. 7 показано распределение мужчин и женщин, выразивших различное отношение к провокационному вопросу о запрете женщинам иных этносов выходить замуж за наших парней.

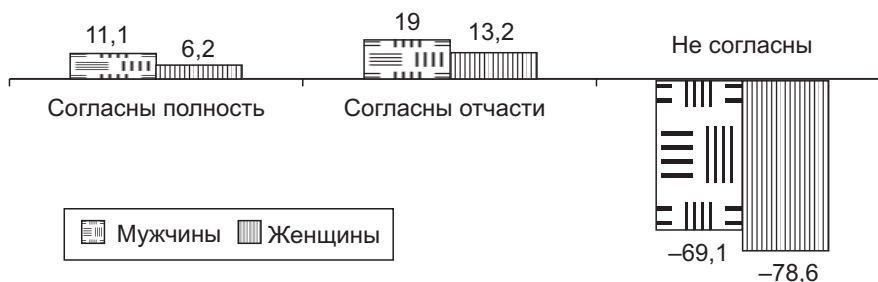

Рис. 7. Отношение респондентов к утверждению: «Необходимо запретить представительницам иных этносов выходить замуж за наших парней», %

Стоит отметить, что полную или частичную поддержку матримониальной дискриминации для девушек из числа нежелательных этносов высказали почти 30,1 % мужчин и 19,4 % женщин. Однако откровенными ксенофобами следует признать лишь десятую (11,1 %) часть опрошенных мужчин и 6,2 % женщин. И это притом, что категорически против такой дискриминации выступили 69,1 % мужчин и 78,6 % женщин. В итоге Индекс матримониальной этнической нетерпимости по отношению к «чужим» женщинам у мужчин 42 балла (21 % от максимума), а у женщин – 27,6 балла (13,8 % от максимального уровня). В целом же по всей выборке Индекс брачной дискриминации для женщин некоренных этносов равен 34,8 балла, что соответствует 17,4 % от максимально возможного уровня. Рис. 8. демонстрирует, как относятся наши земляки к гипотетическому запрету парням-инородцам жениться на наших девушках.

Рис. 8. Отношение респондентов к утверждению: «Необходимо запретить представителям иных этносов жениться на наших девушках», %

К матримониальной активности мужчин-инородцев наши соотечественники относятся с такой же степенью неприятия, как и к женщинам из некоренных этносов, «уводящих» белорусских мужчин. Немногим более трети (35,0 %) мужчин и около пятой части (18,5 %) женщин в той или иной мере поддерживали бы запрет для представителей нежелательных этносов жениться на белорусских женщинах. Если же учитывать только полное согласие с подобным ограничением по этническому признаку, тогда Индекс брачной дискриминации инородных мужчин в целом по всей выборке участников опроса составит 36,8 балла (18,4 % от максимального значения).

Были рассмотрены формы этнической дискриминации, лишь в скрытой форме содержащие в себе бациллы радикализма. Подчеркнем еще раз, что мы качественно не разделяем этническую дискриминацию и этнический радикализм. Первая содержит в себе второе как свое потенциальное осуществление. Подобно тому как из куколки при благоприятных условиях появится бабочка, этническая нетерпимость чревата этническим радикализмом. Однако все-таки следует учитывать различную степень радикализации этнической нетерпимости, ведь, скажем, отказ выдать дочку замуж за инородца и убийство инородца из-за цвета кожи – разные вещи. Поговорим о наиболее радикальной форме этнической нетерпимости, связанной с моральной готовностью некоторой части населения применить крайнюю меру к представителям нежелательных этносов. С помощью социологического метода можно указать точное количество граждан, морально готовых к самой радикальной мере дискриминации к представителям иных этносов – к убийству. Рис. 9 позволяет читателю убедиться в том, что среди жителей Беларуси есть люди, готовые физически истребить тех, кто отличается от них внешним видом, языком или образом жизни.

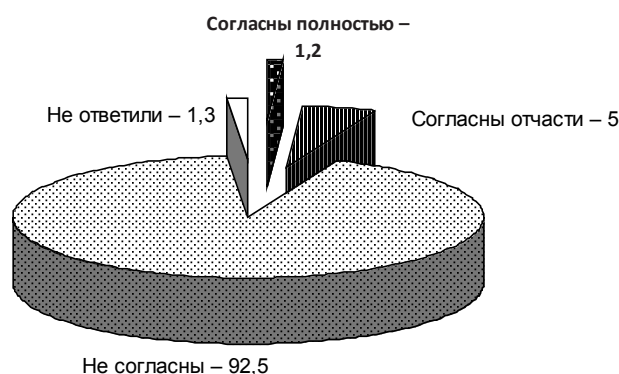

Рис. 9. Отношение респондентов к утверждению: «Необходимо представителей нежелательных этносов истребить физически», %

На первый взгляд сегменты, отображающие процентные доли участников опроса, полностью и частично согласных физически устранять нежелательные этносы, невелики. Однако в абсолютных цифрах это означает, что 12 человек из каждой тысячи взрослых жителей не испытывают сомнений по поводу того, что инородцев необходимо истребить. С ними в какой-то мере согласны еще по 50 человек из каждой тысячи граждан. В итоге может собраться отнюдь не маленький отряд потенциальных убийц на национальной почве. Отчасти успокаивает лишь то, что пока эта готовность высказывается этническими экстремистами вербально и до ее практической реализации дело не дошло. Другим обнадеживающим фактом можно считать снижение удельного веса граждан, склонных к радикалистским методам решения межэтнических проблем. Об этом свидетельствуют данные наших социологиче-

ских опросов, проведенных, помимо 2009 г., в 1997 и 2007 гг. В 1997 г. мы опрашивали только молодежь до 30 лет, поэтому на рис. 10 представлено мнение молодых респондентов также по опросам 2007* и 2009 гг.

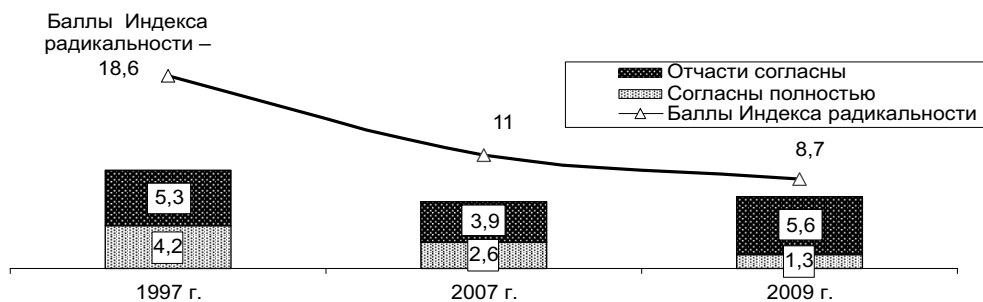

Рис. 10. Процентные доли молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет, в той или иной мере согласных с мнением, что представителей нежелательных наций необходимо истребить физически (1997, 2007 и 2009 гг.)

Социологический метод позволяет понять масштаб, направленность и динамику этнической радикализации общественного мнения. Очевидно, что за 13 лет удельный вес этнических экстремистов заметно снизился. Однако научную строгость первичным социологическим данным придает методика, основанная на технологии ИПН. На рис. 10 этот формат отражает линейный график, исчисленный в баллах. По отношению к абсолютным рискам этнического радикализма его уровень в молодежной среде в 2009 г. составил 4,4 %. По сравнению с 1997 г. риск снизился в два с лишним раза. И в то же время, как мы отмечали ранее, менее опасные формы этнической нетерпимости за последнее десятилетие отнюдь не снизили своей остроты. Все это не позволяет игнорировать проблему этнической нетерпимости и радикализма как таковую.

Для Беларуси тема этнорадикализма не столь актуальна, как, например, для России. У нас не происходит массовых драк между молодежью различных национальностей, не говоря уже о вооруженных инцидентах на этнической почве. Внешне в межнациональных отношениях все выглядит вполне благопристойно. Однако социологические замеры свидетельствуют о наличии спор этнического радикализма, которые при благоприятных обстоятельствах способны развиться в межнациональные конфликты. Не учитывая это политически опрометчиво и недалекновидно. Этнический фактор всегда был и остается социальным «детонатором» для начала беспорядков и революций. Чтобы подобные инциденты не стали роковой неожиданностью, необходимо тщательно отслеживать направленность и динамику количественных и качественных изменений радикалистских настроений в общественном мнении. Для решения этой задачи весьма актуален апробированный нами метод индикации этнического радикализма.

Библиографический список

¹ См.: Закон Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму» // <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic22/text199.htm>. Дата доступа: 11.11.2012.

² См.: Кон Х. Идея национализма // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2001. № 3. С. 419; Кон Х. Национализм: его смысл и история // *Проблемы Восточной Европы*. 1994. № 41–42. С. 88–169.

* Опрос 1092 представителей молодежи в возрасте от 16 до 25 лет проведен под руководством автора сотрудниками кафедры гуманитарных дисциплин МГУП. Опрос проводился в Могилевской области с контрольными группами из Минска и Гродно.

³ См.: Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2001; Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 2004; Новый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М., 2000 и др.

⁴ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml. Дата доступа: 07.11.2012.

⁵ См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%BE%D1%80>. Дата доступа: 25.11.2012.

⁶ См.: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C>. Дата доступа: 25.11.2012.

⁷ Большой толковый социологический словарь. Т. 2. М., 2001. С. 252.

УДК 316.624:616.89-008.441.44

А. Е. МАЛЬЧЁНКОВА,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ СУИЦИДА

Описываются методологические подходы к изучению суицида, дается характеристика ситуационного метода анализа социальных процессов и явлений, в том числе и суицидальной ситуации. Анализируются особенности исследования суицидальной ситуации при самоубийствах на основе изучения документов прокурорского расследования.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, социальная ситуация, прокурорское расследование, предсмертная записка.

The article describes the methodological approaches to study suicide; the situational method to analyzing social processes and phenomena including the suicidal situation is characterized. The peculiarities of researching the suicidal situation at self-murder suicides on the basis of learning the prosecutorial documents are described.

Key words: suicide, suicide behavior, social situation, prosecutorial investigation, dying note

В качестве объекта социологического анализа суицид рассматривается как добровольное мотивированное и осознанное лишение себя жизни психически здоровым человеком, имеющее полипричинный (многофакторный) характер, вызванное конфликтом, основания которого лежат, с одной стороны, в обществе, а с другой – в системе потребностей, интересов, установок, ценностно-социальных ориентаций личности. В структуре суицидального поведения обычно фиксируются суицидальные намерения (суицидальные высказывания), суицидальные попытки (незаконченный суицид) и завершённый суицид (смерть в результате самоубийства).

Определение суицида как социального явления, предложенное в качестве объекта исследования, имеет существенное методологическое значение, так как позволяет исключить из социологического анализа те виды суицида, в основании которых социальные факторы либо отсутствуют, либо имеют с ним слабую связь.

В первую очередь из объекта социологического исследования должны быть исключены все суициды, в основании которых лежат психопатологические факторы. Это предмет психиатрии и психологии.